

Пока Эдди Игнатъевич – Вторая труба мира – парился на нарах в сталинских лагерях. Первая труба мира – Луи Армстронг – покорял планету своей “музыкой толстых” и, несмотря на то, что “у них там негров линчуют”, прожил жизнь в славе и достатке. О своих взаимоотношениях с советской властью, о своей судьбе Рознер мог бы сказать одним словом – названием популярного танго, которое исполнял его оркестр: “Зачем?”

Уехать уже не покидала Эдди и Рут. Но разрешения на выезд им не дали. Тогда-то и решили бежать...

ОСУЖДЁННЫЙ РОЗНЕР ДОЛЖЕН был отправиться на Колыму, но “задержался” в Хабаровске. На четыре года. Из таких же сосланных музыкантов создали джаз-оркестр, выступавший в основном перед вольными. Иногда разрешали играть и перед заключёнными, для которых эта музыка была и счастьем, и светом, и воздухом...

Рознер стремился в Магадан и даже просился туда. По необъяснимой своей наивности он полагал, что в суровых магаданских краях у него быстрее пойдёт срок. И он в конце концов попал в Магадан, но через Комсомольск-на-Амуре. Из назначенных десяти отсидел семь, а освобожден лишь в мае 54-го, когда умер Сталин и вышло послабление.

ЖИЗНЬ ЕСТЬ ЖИЗНЬ. В ХАБАРОВС-ке у Эдди Игнатъевича появилась подруга – певица Антонина Грачёва. Ро-

дился мальчик Володя – когда Рознера уже перевели в Комсомольск-на-Амуре, но Эдди Игнатъевич не очень-то был уверен в своём отцовстве: у Антонины водились и другие мужчины. В Магадане Рознер женился – конечно, без регистрации – на балерине Марине. Она получила срок – тоже “десятку” – за то, что во время оккупации в Николаеве выступала в кабаре. Появилась дочь Ирина.

Ида Каминская, мать Рут, хлопотала о дочери перед советским правительством, и ещё до смерти Сталина Рут разрешили жить на воле, но не в Москве. Она вернулась из Караганды, и начались скитания: Тула, Рязань, Подмосковьё. И тогда Рут решила обратиться к Эренбургу, хорошо знавшему Рознера. Эренбург в то время был депутатом Верховного Совета, и одной его просьбы было достаточно, чтобы Рут не только прописали в Москве, но даже “пожали ручку”. Она стала москвичкой...

1954 год. Уже в конце лета Эдди Игнатъевич возвращается в Москву.

Он не собирался связывать жизнь с Мариной, но отношения с Рут тоже не складываются. В Караганде у Рут появился друг, и, когда Эдди Игнатъевич узнал об этом, гнев у него не было предела: он, мужчина, имеет право на внебрачную связь, она – нет. Они жили у знакомых, и после очередной ссоры Эдди Игнатъевич обычно сбегал в гостиницу...

Для публики Эдди Рознер по-прежнему оставался символом запретного Запада. Но теперь это лишь добавляло популярности его коллективу. В недрах оркестра зрел тот самый джазовый взрыв, который случился в Союзе в шестидесятые годы.

РУТ ВЕРНУЛАСЬ В ПОЛЬШУ В КОНЦЕ шестидесятых, вышла замуж за актёра еврейского театра, где директором была её мать, и сама стала работать в этом театре. Но... счастлива не была. Второй муж оказался человеком чёрствым и самовлюблённым, а уж по яркости таланта, конечно, не мог сравниться с Эдди. Через несколько лет, когда в Польше прокатилась страшная волна антисемитизма, Ида Каминская, Рут, их мунья, дочка Эрика и большая часть труппы перебрались в Нью-Йорк.

В начале семидесятых для Эдди Рознера опять наступило трудное время. Массовый слушатель, воспитанный на советской песне, не понимал “чистого” джаза. На концертах джазу отводилось место где-то между исполнительницей цыганских романсов и фелетонистом, читавшим монолог о вреде алкоголя...

Уже никого и ничего не боясь, Эдди Игнатъевич говорил друзьям: “Клянусь, у меня была возможность сделать карьеру в Голливуде. Холера ясна потащила меня к большевикам, а они, пся крив, отблагодарили меня тюрьмой и Магаданом”. Внутренне он был готов к отъезду.

Выбрал Германию. Он родился там в 1910 году, окончил с золотой медалью Берлинскую консерваторию по классу скрипки. Когда джазовый бум докатился из Штатов до Европы, Эдди отложил в сторону традиционный еврейский инструмент и взялся за трубу. Он быстро достиг в игре совершенства и стал в Германии джазовой звездой. Великий чернокожий джазмен Луи Армстронг даже прислал ему свою фотографию с надписью: “Белому Луи Армстронгу”...

УЕХАВ ИЗ СОЮЗА В ЗАПАДНЫЙ Берлин, Рознер не обрёл ни счастья, ни покоя. Он был уже очень болен. В 73-м – за три года до смерти – Эдди Игнатъевич прилетал в Нью-Йорк, чтобы помириться с Рут и просить её снова быть вместе, он всё ещё любил её. Рут отказала. ■